

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ОРИЕНТАЛИЗМОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV – XVII вв.***Г.Х. Гилязетдинова***Аннотация**

В статье рассматривается процесс фонетической адаптации восточных заимствований в русском языке эпохи Московского государства. Выявляются причины возникновения вариативности заимствований. Представлены вокалические и консонантные варианты восточных слов, обусловленные как возможностями языка-источника, так и фонологическими особенностями языка-реципиента.

Ключевые слова: формальное освоение, вариативность, фонемное декодирование, фонетические преобразования, ориентализмы.

Известно, что иноязычные слова в принимающей среде претерпевают различные изменения как в период вхождения, так и во время дальнейшего функционирования в языке-рецепторе. Вхождение и адаптация заимствованного слова предполагают освоение его формальной (фонетической и морфологической) и семантической сторон, при этом процесс формальной ассимиляции представляет собой движение от многообразия к единой и стабильной форме [1, с. 12].

Формальное освоение заимствованной единицы связано с генетическим родством или типологической близостью языков. Меньшее сходство контактирующих языков обуславливает глубокие изменения в заимствуемом слове с целью включения его в принимающую систему. Однако «нередко сближение языков, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов» [2, с. 11]. Характер изменений, происходящих в заимствуемом слове, предопределен возможностями не только дающей, но и принимающей системы, ее способностью декодировать звуковую структуру чужого языка и адаптировать ее к фонетической системе своего языка.

Восточные заимствования, отличающиеся отсутствием генетического родства с заимствующим русским языком и характеризующиеся типологическими различиями, подвергаются значительной формально-грамматической адаптации в языке-рецепторе. Восточным заимствованиям в русском языке свойственна вариативность (особенно на начальном этапе освоения), что обусловлено

определенными факторами: 1) наличием нескольких источников заимствования (явление многоконтактности); 2) высокой способностью заимствований вступать в контаминацию с другими словами в языке-рецепторе; 3) передачей иноязычного материала в русском языке различными способами, связанными с разной звуковой реализацией фонем языка-источника и заимствующего языка (см. [3, 4]).

Следует отметить тот факт, что для восточных слов, как и для многих ранних заимствований русского языка, характерен устный путь заимствования [5, с. 182]. Можно сказать, что через устное общение, устную речь проникли практически все ориентализмы исследуемого периода. К письменным заимствованиям, попавшим в русский язык книжным путем, относятся старославянизмы, латинизмы и многие греческие заимствования.

Известно, что в процессе устного, непосредственного заимствования, не подкрепленного письменным обликом слова, может происходить искажение его звуковой оболочки [6, с. 165]. Этим также объясняется фонетическая вариативность восточных заимствований не только в пору их вхождения в язык, но и в течение их продолжительного функционирования в русском языке, так как при заимствовании лексемы в сознании носителей воспринимающего языка происходит «просеивание» звуковой оболочки чужого слова через «фонологическое сито» (по терминологии Н.С. Трубецкого) родного языка, что обеспечивает его членораздельность в заимствующем языке. Н.С. Трубецкой писал: «Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам “фонологическое сито” своего родного языка. А поскольку наше “сито” оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают многочисленные ошибки, недоразумения» [7, с. 85]. Так, экзотизм *караван-сарай* ‘постоялый двор для караванов’, прежде чем обрести исходную фонетическую форму, имел ряд фонетических и фонетико-графических вариантов: *кермасарай*, *кермасерай*, *крмюсар’й*, *карвасарай*, *корван сарай*, *карасамрай*, ср.: **Рѣка велика Бѣвфрантъ сквозѣ его идетъ, да разведена подо всѣ дворы и торги и по улицамъ и по кермасараемъ** (X. г. Вас., с. 6); **Кермасерай ү мостү того вельми велик** (X. г. Вас., с. 6); **А мѣсто Гавза... а въ томъ мѣстѣ армоүратъ и крмюсар’и, кто ни придетъ отъ какия вѣры, всякаго упокаиваютъ, и кормятъ и поятъ** (X. г. Вас., с. 2); **Здѣсе на Москвѣ торгового челоуѣка Алея бүрсянина въ животѣ не стало, а товаръ его наши приказники написали въ карвасаран**. Крым. д., II, 125. 1515 г. (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 7, с. 71); **Казвинсие де торговые люди многие его знаютъ, что онъ сидѣлъ на корванъ саран въ лавкѣ, продавалъ соболи**. Посольство Барятинского, 478. 1619 г. (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 7, с. 71); **А по дороги от Шаврани до Шамахи стоят три карасамрай, а порүски а гостиные дворы, каменные, крепки и добры** (X. Котова, с. 35); **Въ 17 день приѣхали въ Генджү въ обѣдъ, стали въ караванъ-сараѣ** (Арс. Сух. Проскинитарий, с. 103).

Вопросы фонетико-графической адаптации западноевропейских заимствований глубоко исследованы в лингвистической литературе, посвященной иноязычной лексике определенных периодов в развитии русского языка. Здесь можно назвать коллективную монографию ленинградских языковедов Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского

языка. Языковые контакты и заимствования» [1], работы В.Г. Демьянова «Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века» [8], Н.В. Габдреевой «Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование)» [9], Н.И. Гайнуллиной «Заимствованная лексика в Петровскую эпоху» [10] и др. Вопросам фонетического и прежде всего графемно-фонетического и орфографического освоения тюркизмов в современном русском языке посвящена одна из глав книги М.В. Орешкиной [11]. Что касается исследования фонетической адаптации восточных заимствований XV – XVII вв., то приходится констатировать сложность данной проблемы «как из-за плохой изученности тюркских языков раннего периода, почти не оставивших после себя письменных памятников, так и из-за чрезвычайной близости и нерасчлененности тюркских языков и диалектов, не позволяющих иногда точно определить, из какого именно языка или диалекта заимствовано то или другое русское слово» [4, с. 127] и, соответственно, не дающих возможности последовательно применить сравнительно-сопоставительный подход к анализу фонетической системы языка-реципиента и языка-источника.

При переходе в иноязычную среду у заимствованного слова происходит фонемное декодирование и замена звуков чужого языка близкими по акустико-артикуляционным характеристикам русскими звуками, представленными в письменных текстах графемами языка-реципиента. Например, в исследуемых памятниках были отмечены следующие регулярные отождествления (субституции) звуков восточных языков и звуков русского языка: [b] → [б]; [g] → [г]; [χ] → [х], [r] → [р]; [š] → [ш]; [č] → [ч]; [p] → [п]; [k], [q] → [к], [г]; [z] → [з] и т. д. Ср.: тат., каз., тоб. *abyz* ‘ученый, мулла’ → рус. *абыз* ‘священнослужитель у мусульман’; тур., азерб. *ayaç* ‘мера длины от 6 до 7 верст’ → рус. *агач* ‘путевая мера длины’; тат., тар. *açun* ‘старший мулла’, бараб., тоб. *akun* → рус. *агун* ‘духовное лицо у мусульман’; тат., кирг. *alaça* ‘полосатая ткань из Средней Азии’ → рус. *алача* ‘название шелковой или бумажной ткани’; чагат., тат., казах., тел. *karaul* → рус. *караул*; тур. *kaitan* → рус. *гайтан* ‘шнурок’; кыпч. *sunduq* → рус. *сундук*; перс. *χätiān* ‘кошель, бумажник’ → рус. *хамьян* ‘кошелек, бумажник’; кыпч., казах., кирг. *šaitan* → рус. *шайтан*; тур. *šarap* → рус. *шаран* ‘вино’ и др.¹

Говоря о фонологических особенностях восточных языков (прежде всего тюркских), необходимо остановиться на явлении сингармонизма («гармонии гласных»), о котором в свое время В.А. Богородицкий писал следующее: «К фонетическим признакам слов, заимствованных из татарского и монгольского, принадлежат главным образом проявления гармонии гласных, подчиняющиеся вполне определенным законам соответственно тому или другому диалекту. Мы... представим лишь несколько примеров, на основании которых читатель может составить себе некоторое понятие о сущности явления: *аркан*, *алтын*, *клубук*, (*баши-*)*бузук*, *кумыс*; *бешмет*, *тютюн*, *бирюк*. Из этих примеров видим, что за корневым *a* в слове могут следовать гласные *a* или *ы*; после *o* встречаем *y*, а после корневого *y* как *y*, так и *ы*; за корневым гласным *e* следует такой же гласный, а за гласным *ü* (ю) – *jü*, и т. п.» [12, с. 351].

¹ При определении источника заимствования использовались материалы этимологических словарей русского языка (ЭСРЯ, ИЭС), а также «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова (ОСТН).

Табл. 1

Гласные фонемы	Примеры из тюркских языков	Примеры из русского языка
[ä] → a я е	altynbüz örmäk därviş	алтынбас армяк дервиш
[ö] → a и у	köñläk örmäk özden	киндяк армяк уздень
[ü] → a у ю и	ülüfe dükken pirüze büser	алафа дугень бирюза бисер
[y] → ы и	altyn arşyn	алтын аршин

Явление сингармонизма в восточных языках распространялось на структуру всего слова. В древнерусском же языке исследуемого периода сформировался только слоговой сингармонизм, который явился результатом действия главного закона – закона открытого слога – и повлиял на сочетаемость гласных и согласных внутри слога, а не всего слова. В слоге стали возможны только одинаковые по качеству звуки, а не совпадающие по качеству согласные и гласные в составе одного и того же слога преобразовывались.

Принадлежность контактирующих языков к типологически разным системам наложила значительный отпечаток на фонетико-графическую передачу заимствованных единиц. Своеобразие тюркских языков, как отмечает А.М. Щербак, заключается не только в том, что общие моменты имеют в них совершенно иную природу, чем в индоевропейских языках, а в том, что в них *все гласные могут переходить во все*, и в том, что эти моменты из-за многократного влияния одних тюркских диалектов на другие труднее поддаются разграничению [2, с. 17]. К примеру, специфические тюркские, не эквивалентные русскому языку гласные фонемы представлены в письменных текстах языка-рецептора совершенно разными графемами (см. табл. 1).

Несомненно, что фонетико-графическая вариативность заимствованных слов обусловлена в первую очередь качественными характеристиками фонетических систем тюркских языков, набором их дифференциальных признаков, специфической артикуляционно-акустических характеристик звуков. Кроме того, тюркские гласные, например [ä], [ö], [ü], в русском языке могут передаваться по-разному в зависимости от их положения в слове (абсолютное начало слова или положение после согласного, сочетание с разными по качеству согласными): тюрк. *örmäk* – рус. *армяк*, тюрк. *bäi* – рус. *бей*, тюрк. *büz* – рус. *бязь* и др. Слабая палатализация тюркских согласных перед гласными переднего ряда, неоднозначно воспринимаемая носителями русского языка, также обуславливает графическую вариативность гласных после полумягких (на слух) согласных: тюрк. *dükken* – рус. *дугень*, тюрк. *pirüze* – рус. *бирюза*, тюрк. *büser* – русск. *бисер*, тюрк. *ülüfe* – рус. *алафа (олафа)* и др.

После первых фонетических преобразований заимствованное слово, состоящее уже из русских фонем, подвергается изменениям в соответствии с внутренними фонетическими законами русского языка: редукцией безударных гласных, оглушением шумных звонких согласных на конце слова, ассимиляцией согласных по звонкости-глухости, твердости-мягкости и т. д., то есть русифицируется. Ср.: *бег* (крым.-тат., туркм., чагат. *bäg*) → *бек*, *тулумбаз* (тур. *tulumbaz*) → *тулумбас* и др.

Что касается акцентологической адаптации заимствований, то здесь следует отметить, что ударение в восточных словах обычно приходится на последний слог, что типично для тюркских языков. Проанализировав акцентологические особенности тюркизмов (булгаризмов) в русском и других славянских языках, И.Г. Добродомов пришел к выводу о зависимости ударения заимствованного слова в первую очередь от ударения в языке-источнике, которая носит закономерный характер в русском языке, ср. ударение в булгаризмах *кн'ига*, *ковр'ига*, *шевр'ига* и др. Однако первоначально усвоенное ударение, как пишет исследователь, «может измениться под влиянием другого источника заимствования или в силу разного рода аналогичных воздействий на заимствованное слово в ходе его освоения заимствующим языком» [13, с. 19].

При словоизменении Н.К. Дмитриев, исследуя акцентуацию в словах тюркского происхождения, отметил случаи переноса ударения на окончания в косвенных падежах у существительных мужского рода в связи с хронологией заимствования слов. Подобное изменение акцентуации отмечается в ранних тюркизмах, которые подверглись морфологической адаптации и приобрели по аналогии русскую акцентную парадигму [3]. Ср.: *каз'ак* – *каз'аки* (Им. мн.), *каз'ака* (Род. ед.), позже – *казак'и*, *казак'а*. В.А. Богородицкий в связи с этим писал, что «в словах мужского рода в Им. ед. оно [ударение] падает на конечный (суффиксальный) слог, а в косвенных падежах обычно переходит на окончание, кроме слов с суффиксом *ан*, где оно обычно сохраняется на суффиксальном слоге, ср.: *башл'ык* – *башлык'а*, но *арк'ан* – *арк'ана*» [12, с. 352]. В.В. Колесов в статье «Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI – XVII вв.» тюркские лексические элементы наряду с другими заимствованиями анализирует с позиции акцентуации и подчеркивает обязательность конечного ударения в тюркизмах [14].

В реализации качественных характеристик тюркских гласных позиция ударения, как отмечал Н.С. Трубецкой, не играет никакой роли (см. [2, с. 66]).

Вокалические варианты

Тюркские языки отличаются от русского языка количественным и качественным преобладанием гласных, дифференциация которых наиболее ярко, по мнению Н.С. Трубецкого, проявлялась в первых слогах слова [7, с. 105], между тем как в русском языке в первом и втором предударном слоге наблюдалась нейтрализация гласных, обусловленная качественной и количественной редукцией (аканье, еканье, позже иканье).

Одним из наиболее важных разграничительных признаков гласных фонем в тюркских языках, как отмечает А.М. Щербак, является степень раствора речевого аппарата, на основе которой выделяют широкие (компактные: *a*, *ä*, *o*, *ö*)

и узкие (диффузные: *i̇, i, y, ẏ*) гласные, то есть в основном в тюркских языках выделяют две степени подъема, поэтому тюркские *a, ä, o, ö* могут восприниматься носителями русского языка как гласные нижнего или среднего подъема, а тюркские *i̇, i, y, ẏ* – как среднего или верхнего. В ряде тюркских языков выделяют еще третью и четвертую ступени «полушироких» и «полуузких» гласных [2, с. 27–28], поэтому членение гласных по подъему в системе вокализма русского и тюркских языков не совпадает, что отражается на вариативности графической фиксации тюркских гласных кириллицей.

Важной характеристикой тюркских гласных, которую обнаруживают еще в древних тюркских языках, является разделение гласных на твердоядные и мягкорядные, то есть каждой гласной фонеме твердого ряда соответствует гласная фонема мягкого ряда: *a/ä, o/ö, y/ẏ, i/i̇*. При заимствовании мягкорядные фонемы часто воспринимаются носителями русского языка как более узкие и упрежденные по ряду гласные, чем твердоядные, ср.: *теремь* (кыпч. *tärmä*).

Важно отметить, что, несмотря на фонологическое противопоставление твердоядных и мягкорядных гласных, в тюркских языках, как отмечает А.М. Щербак, существует большое количество слов, выступающих в двух вариантах – твердом и мягком, но передающих одно и то же значение. Это явление называют «сингармоническим параллелизмом», и оно может встречаться как в разных тюркских языках, так и в одном, например: башк. *байрам* – тат. *bäjräm* ‘праздник’; азерб. *окуз* и *öкүз* ‘бык’. Неустойчивость качества гласных в отношении твердости/мягкости находится в прямой зависимости от возможности перехода слова по характеру вокализма из одного ряда в другой [2, с. 36].

Все это обуславливает недодифференциацию при восприятии тюркских фонем, отличающихся по ряду и подъему от русских гласных, что отражается в фонетико-графической вариативности ударных гласных:

– **и/я**: *фитиль* – *фетяль* (из тур. *fitil* от араб. *fatīl*): **Да на 10 000 чел. по пяти фунтовъ фитилей, того 1250 пудъ** (АМГ I, с. 364); **А ү пицалей их фитяли с жаграмни, акн свечи горят** (Аз. пов. (сказ.), с. 94);

– **а/е**: *ишак* – *ишек* (кыпч., азерб., тур. *ışäk* ‘осел’, тат. *işäk*), *кушак* – *кушек* (из тур., крым., тат. *kuşak, kuşatak* ‘подпоясывать’), *очаг* – *очег* (азерб., чагат. *oçay* ‘очаг’, тар. *oçak*, тат. *uçak*) и др. Ср.: **Ставлен котел болшон заторочнон в очегн работником** (Там. кн. южн., с. 9); **На томъ же гостинѣ дворѣ очагъ, въ чемъ квасъ дѣловали** (АМГ III, с. 23) и др.

В исследуемых памятниках широкое отражение находит чередование безударных **о/а** как в абсолютном начале слова (в анлауте): *аба* – *оба*, *абыз* – *обыз*, *азям* – *озям*, *алам* – *олам*, *алтын* – *олтын*, *армяк* – *ормяк*, *арчак* – *орчак* и др., так и после согласных, особенно характеризующихся лабиовелярностью (бемольностью): *бадья* – *бодья*, *базар* – *бозар*, *барсук* – *борсук*, *батрак* – *ботрак*, *гайтан* – *гойтан*, *кабак* – *кобак* и др. Ср.: **Оброкъ с овену лавок и з скамей рубли с алтыном** (Кн. п. Казани, с. 60); **Собрано таможенных денегъ тридцат рублиевъ два алтына две денги** (Там. кн. юж., с. 203) и др.

Данное графическое чередование в первую очередь связано с одинаковой степенью раствора речевого тракта при произношении тюркских гласных [a], [ä] и [o], [ö], что обусловило их смешение при восприятии русскими. Кроме того,

неразличение тюркских гласных могло усиливаться лабиальным характером тюркского [a°], который, как отмечают многие тюркологи, «отличается огубленностью, особенно в начальных слогах» [15, с. 244]. Чередование [a]/[o] можно считать яркой приметой тюркских заимствований в исследуемых памятниках, так как оно является частотным и встречается почти в каждом новом заимствовании, закрепляясь со временем в одном из возможных вариантов: *кобала/кабала* → *кабала*, *козак/казакъ* → *казакъ*; *очаг/ачагъ* → *очагъ* и др.

Замена [a] на [o] в абсолютном начале слова встречается и в заимствованных греческих именах (Офонька, Олфимъ, Обросимъ), что, как известно, обусловлено просодической структурой древнерусского слова, допускавшей в абсолютном начале слова только гласные [o], [y] (с редким развитием протетического [v]). Остальные же гласные, в том числе и гласный [a], в древнерусском языке развивали протетический [j]. Однако в восточных заимствованиях исследуемого периода указанная вариативность [o]/[a] встречается и в анлауте, и в середине слова после согласных.

Смещение [o]/[a] могло поддерживаться возникшей в середине XIV века редукцией русских безударных гласных, сформировавшей аканье. Развитие аканья, как отмечает В.В. Колесов, проявлялось не только в замене безударного [o] гласным [a], но и в факультативном сохранении [o] (ср. *копна* – [копна]), а также в произношении [o] вместо [a] (ср. *капель* – [коп'ел']) [16, с. 199]. Такое гиперкорректное произношение именуют гиперизмом. Однако в исследуемых памятниках письменности примеры гиперизма в собственно славянской лексике (ср. *двенатцот*, *двацоть*), как и примеры самого аканья (ср. *хатели*, *сковарод*, *староны*), единичны. Между тем в восточных заимствованиях чередования графем *o/a* во всех фонетических позициях чрезвычайно частотны, что свидетельствует о недодифференциации русскоязычными носителями тюркских фонем <o>/<a>.

В положении после шипящих тюркские широкие мягкорядный и твердорядный гласные [ä]/[a] могли ассоциироваться у русских как с гласным [a], так и с гласным [e], что обуславливало вариативность их написания: *шейтан* – *шайтан* (кыпч., казах., кирг. *šaitan*, тур. *şâitan* ‘черт’); *чебак/чабак* (тат., алт., тел. *čabak*), *шелаш* – *шалаш* (тур. *salaş*, азерб. *şalaş* ‘шалаш, палатка’), *шешман* – *шаман* (тур. *şaman* ‘шаман, жрец’, тат. *šaman*, тунг. *saman*), *шантала* – *шентола* (кыпч. *šaftaly*, азерб., крым.-тат. *šäftäly* ‘персик’) и др. Ср.: **На Коневой площадке у светлицы среди площади шалаша, а сидят в них с рыбою с вареною и с пироги с пряженными и с кисели** (Кн. п. Казани, с. 70); **А по дръггю сторону Ивановской шелаш Головолокова** (Сл. Каз. кр. XVI, с. 261); **Два воза чабаков и карасей** (Сл. Сиб., с. 167); **Взеты их тюменской покүпки три волочүги рыбы, щүк и чебаков** (Сл. Сиб., с. 167) и др.

Исторически при написании данных гласных после отвердевших шипящих чаще побеждал более свойственный русскому языку вариант – гласный нижнего подъема [a] после твердых согласных: *шалаш*, *шаман*, *шандал*, *шатер*, *шашлык*. После мягкого русского [ч'] в заимствованиях чаще закреплялся гласный [e], который отражал также и сформировавшийся в русском языке процесс еканья: *чердакъ*, *чемоданъ*, *чеботы*. Гласный [a] после [ч'] мог сохраняться в восточ-

ных экзотизмах (например, *чалма*, *чадра*, *чабан*), отделяя таким образом фонетически «чужое» слово от адаптированного, теперь «своего» заимствования.

В чередовании графем *е/я* в начале слова после [j] нашла отражение недодифференциация тюркских гласных [a], [ä], [o], [e], связанная в первую очередь с более закрытым и более передним характером гласных после [j], а также с развитием в русском языке в предударной позиции после мягких согласных еканья: *елань* – *ялань* (башк., тат. *jalan*, алт., тел., леб. *jalan* ‘поле, долина, равнина’), *емщик* – *ямщик* (тур. *jamşu* ‘ямщик’, чагат. *jamči*), *ерлык* – *ярлык* (чагат., тур. *jarlyk* ‘султанский указ, грамота, дворянская грамота’), *ясак* – *есак* (тат. *jasak* ‘дань, подать’, чагат. *jasak* ‘дань; постановление, уложение, закон’) и др. Ср.: **А по ерлыкѹ тот посохѹ Гришка Отрепьевѹ рострига поднесѹ великомѹ госѹдарю Царю и великомѹ князю Миханилѹ Феодоровичѹ** (Плат. Ал. Мих., с. 72); **А денегѹ, госѹдарь, за конь человекѹ твоей Василей взялѹ, и оставилѹ ѹ меня, написано по ярлыкѹ пятнадцать рѹблевѹ съ полтиною** (Переп. Хован., с. 438) и др. Следует отметить, что при дальнейшей адаптации обычно закреплялись варианты, отражающие диссимиляцию гласных ударного и предударного слогов, что соответствовало сформировавшемуся в русском языке еканью, а особенно диссимилятивному принципу развивавшегося в этот период в южнорусских говорах яканья, то есть гласный *я* [‘а] закрепился в лексемах с ударным гласным *не-а* (гласным верхнего или среднего подъема), а более редкий гласный [e] сохранился в лексемах с ударным гласным [a]. Ср.: *ямщик*, *ярлык*, *якут*, *ясырь*, но *елань*, *ендова*, *епанча*. Встречающиеся лексемы с ассимилятивным принципом и сейчас воспринимаются как «чужие»: *ясак*, *янычар*, *яшма*.

Гласный *у* [ы], являющийся в тюркских языках звуком средне-верхнего или среднего подъема, под влиянием бемольных согласных (губных, заднеязычных и др.) может подвергаться лабиализации, которая фиксируется на письме в графических вариантах *о*, *у*, например: тюрк. *oɟlyk* – рус. *войлок*, *войлук*.

В среде заимствований встречаются редкие варианты, различающиеся наличием/отсутствием гласных в начале слова: *урундук* – *рундук*. Подобная вариативность могла проявляться как в развитии протетического согласного в начале слова (ср. тюрк. *oɟlyk* – рус. *войлок*), так и в диерезе начального гласного заимствования в слабой позиции, ср. также тюрк. *alaşu* – рус. *лачуга*, тюрк. *ııktan* (*ıctan/ıctan*) – рус. *штаны*, тюрк. *aslan* – рус. *слон*, тюрк. *ülüfe* – рус. *алафа*, позднее – *лафа* и др. Относящееся к числу ранних заимствований *рундук* ‘возвышение, сидение’ (от тюрк. *orunduk* ‘подушка, подкладка, лежанка, сиденье’, тат. *urunduk* ‘сиденье’) уже в «Сказании о Мамаевом побоище» (XV в.) встречается без гласного в анлауте: **Княгиня же великая Бѣдокня со снохою своею, со князя Володимеровою княгинею и с воеводцкими женами вниде во свои набережные хоромы и сяде на рѹндѹце под окном** (Сказ. Мам. поб., с. 24). Вариантные формы *рундук* – *урундук* представлены в «Хожении» Трифона Коробейникова в одном контексте: **А были ѹ него [воеводы Арана] въ комнате, а въ комнате зделанѹ рѹндѹкѹ въ поясѹ человекѹ, да ѹсланѹ коврами, а рѹндѹке воевода сѣдитѹ а на мѣсте, а мѣсто здѣлано по-тѹрски ка мочно сѣсть, а передѹ нимѹ стоятѹ двѹ свѣчи въ шанданѹхѹ** (Х. Тр. Короб., с. 79).

Рассмотренные выше изменения были обусловлены, как считает В.В. Колесов, тем, что «согласно закону открытого слога все слова должны были кончатся гласными, но если следующее слово начиналось также с гласного, то образовывались зияния, не приемлемые для славянского произношения: оно не допускало двух гласных подряд» [16, с. 33]. Приведенный выше пример демонстрирует, что утрата начального гласного в первую очередь была обусловлена формированием в речи на стыке служебных и знаменательных слов зияния гласных (хиатус), неприемлемого для слоговой структуры русских слов, которые стремились избежать его развитием протетических согласных или диерезой начального гласного.

Консонантные варианты

Несмотря на значительные различия консонантных систем тюркских и славянских языков, встречающиеся в памятниках графические консонантные варианты заимствований отмечены единичными примерами. Представлены следующие варианты, различающиеся согласными, парными по звонкости/глухости: **к/г** – *бег/бек*, **т/д** – *ичетоги/ичедоги*, **с/з** – *ясырь/язырь*; по способу и месту образования: **с/ч** – *санчак/чанчак*, **к/ч** – *бакча/бахча* и др.

В тюркских языках противопоставление глухих и звонких согласных обнаруживается во всех положениях, однако оно не имеет фонологической нагрузки. Тюркские звонкие согласные отличаются от соответствующих русских и акустически: в отличие от русских полновзвонких они являются полувзвонкими и слабыми, что не дает возможности четко дифференцировать их при восприятии русскоязычными носителями. Как отмечает А.М. Щербак, звонкость этих слабых факультативна: слабые могут быть и глухими, и полувзвонкими, и полновзвонкими [2, с. 88]. Важной является и их фонетическая позиция в слове: более четко звонкие согласные воспринимаются в середине слова между гласными, а в начале и конце слова они в значительной степени оглушаются (например, тат. *lapos*, чув. *luβas* – *лабазь*; тат. *çolǵau*, чув. *tšulga* – *чулокъ*).

Вариативность глухого и звонкого согласных **т/д** в заимствовании *тенька* – *денька* – *деньга* ‘монета определенного достоинства’ также отражает вышеуказанные фонетические особенности тюркских языков, о которых писал в свое время и Махмуд Кашгарский: «Каждое *m* огузы и родственные им племена изменяют в *d*, например, *tävä* ‘верблюды’ у них звучит *dävä*, а *öt* ‘нора’ как *öd*» (цит. по [4, с. 129]). Ср. у Афанасия Никитина в одном контексте: *тенька* – *денька*: **А** хоросанцемъ дають олафү по **тенькѣ** на день, и великомү и маломү; а кто в немъ женится хоросанецъ, и князь шабатьской даеть по тысячи **тенець** на жертвү, да на олафү, да **ѣстѣ** на всякий мѣсяць по десяти **денекъ** (Х. Афан. Никит., с. 21). Форма *деньга* была более распространенной в исследуемый период, ср.: **Мене жъ үбогаго үдариша** [разбойники] **копеннымъ ратовищемъ въ грүди и глаголюще ми: Калүгире, поне дүката крса, ежъ зовется: денга** золотая (Х. Зос., с. 25); **На мостү имали кафирү по 10 денегъ** на человекѣ (Арс. Сух. Проскинитарий, с. 98), **А за тѣ рыбы плочено три рүбли три алтыны две денги** (Переп. Безобразова, с. 97).

В качестве примера можно привести также варьирование глухого и звонкого согласных т/д в интервокальном положении: *ичетоги/ичедоги* (от тат. *iç* ‘внутренний’ и *itik* ‘сапог’). Ср.: **Тридцат(ь) шестеры ичетоги барановые** (Сл. Сиб., с. 57); **Пятеры башмаки, трои ичедоги барановы** (Сл. Сиб., с. 57).

Характерно, что при первом появлении заимствованное слово *бег* ‘титул высших чиновников у тюркских народов’ с конечным звонким [г] в русском языке письменно оформлялось в соответствии с фонетическими особенностями слова в языке-источнике (крым.-тат., туркм., чагат. *bäg*). В «Хожении» Афанасия Никитина впервые представлено заимствование в составе имен собственных: **И Бүлатъвѣгъ послалъ скоро да къ ширваншѣвѣгү: что судно русское разбило под Тархи** (Х. Афан. Никит., с. 12). Ср. также в Статейном списке Новосильцева: **Было ден под Асторохонью түрских людей голова Касим-бег Кафинской да восемь санчаков воевод** (Ст. сп. Новосильцева, с. 65). Позднее, функционируя уже как отдельная словоформа, заимствование приобрело оглушение конечного согласного [г] – *бек*, например, в «Хожении» Федота Котова: **А ү обонх ворот стоят веки да тюфянчен, а по рускомү дети боярские да стрельцы** (Х. Котова, с. 42). Отметим, что адъективное производное *беков* отделяется от имени собственного графически, ср. в «Посольстве Барятинского»: **То ден все по Бүлатъ векове смүте шахъ велѣлъ отставить**. Посольство Барятинского, 385. 1620 г. (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1, с. 131). Вероятно, тот факт, что заимствование было омонимичным исконно русскому отглагольному существительному *бег* (от *бегать*), также оказал воздействие на закрепление конечного глухого согласного в данном ориентализме.

Фонетико-графические варианты с чередованием сонорных м/н (*жемчуг/женчуг* (др.-тюрк. *jänçü* ‘жемчуг’, чагат. *jändzü*), *тулумбас/тулунбас* (тур. *tulumbaz* от тур. *tulum* ‘литавра’ и перс. *bāz* ‘играющий’), *чини/чими* (из тур. *çini* ‘фарфор’)) отражают в первую очередь фонетические особенности тех тюркских языков, которым могло быть свойственно данное чередование. Ср. в старотюркском памятнике XIV в. «Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке)»: *тырна – тырма* ‘царапать’ (Изыск. дар, с. 25). Хотя точная причина этого явления, как отмечает А.М. Щербак, не установлена, некоторые лингвисты связывают такие чередования с сингармоничным влиянием окружающих гласных, другие относят его к наличию в языках междиалектного соответствия [2, с. 170]. Древнерусские книжники относили эти сонорные к «немым», то есть неопределенным по качеству глайдам (полугласным) [16, с. 42], которые также могли чередоваться в русском языке: *Никола/Микола, Никита/Микита*.

Чередование м/н в указанных выше лексемах *амбар*, *тулумбас* и *жемчуг*, насыщенных лабиовелярными звуками, несомненно, было обусловлено и процессом диссимилиации, находящим отражение в современном русском языке в просторечном произношении некоторых заимствований, ср.: *трамвай* [*транвай*], *комфорт* [*конфорт*], *комбайн* [*конбайн*], *конфорка* [*камфорка*] и др.

Приведем пример функционирования заимствованной лексемы *амбар* с сонорным [м], имеющей в течение продолжительного периода фонетический вариант *анбар* с согласным [н]. Так, в турецком, крымско-татарском, татарском отмечается форма *ambar*, в казахском, алтайском, азербайджанском – *anbar*.

Иногда в пределах одного памятника регистрируются варианты слова *амбар/анбар*, к примеру, в «Книге писцовой города Казани», датируемой второй половиной XVI века: **Да на заднем дворе 2 анбара запасные на подклетах, да 3 сүшила, а под ними погреб да ледник да анбар соляной** (Кн. п. Казани, с. 8); **А мера двору от Спаские улицы и от псковского ряду от больших ворот гостина двора к Псковской улицы ззад посадских сведенцовых дворов длина ис тем, что под амбары 56 саж** (Кн. п. Казани, с. 56); в «Хождении» Федота Котова (1624 г.): **А по дороги от Шаврани до Шамахи стоят три карасамран, а порүски а гостинные дворы, каменные, крепки и добры, с амбары и конюшнями, и с вороты** (Х. Котова, с. 35); **А ү них перед амбары и в амбарех писано розными красками и золотом всякие травы. А торгүют на них всякие люди** (Х. Котова, с. 42). Нужно сказать, что форма *анбар* со времени появления заимствования в русском языке (XVI в.) была частотнее формы *амбар*. Так, среди исследуемых памятников письменности в подавляющем большинстве отдается предпочтение форме *анбар*, в единичных случаях – *амбар*. Поздние колебания в произношении склонялись в пользу форм *амбар* и *жемчуг* с [м] в инлауте. В словаре В.И. Даля представлены два варианта с ведущей формой *амбар* (Даль Т. I, с. 14). Современные лексикографические источники отмечают форму *амбар* ‘строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров’ (ТСРЯ Т. 1, стлб. 82).

Колебание графем **ш/щ** в заимствованных словах типа *шербет/щербеть* ‘восточный прохладительный напиток’ (тур., караим. *šärbät*), *штаны/щаны* (др.-тюрк. *išton* из *ičton* ‘подштанники’) обусловлено в первую очередь неполным отвердением в исследуемый период древнерусской фонемы <ш> и фонологической неустойчивостью фонемы <ш’> [ш’ч’], [ш’т’]. Как отмечает В.В. Колесов, фонема <ш> сохраняет свою мягкость вплоть до XVII в., при этом в рукописях XVI–XVII вв. постоянно встречаются примеры смешения графем **ш** и **щ** [16, с. 153, 157]. Ср.: **А ү всех жонок штаны и ү девок** (Х. Котова, с. 55), **Девяттеры щаны лятчинные, цена полпята рүбля** (Сл. Мангаз. пам., с. 565).

Отсутствующая в русском языке звонкая аффриката [dž] передавалась с помощью одного из компонентов, существующих в русском языке – д/з: *ходя/хозя* (тур. *hodža*, крым.-тат., чагат., азерб., тат. *hoža* ‘учитель, хозяин, старец’). Ср. в «Хождении» Афанасия Никитина: **Град же взял индүйскы Меликчан хоя, а взял его силою** (Х. Афан. Никит., с. 28), **...а имя ми Офонасей, а всерменьское имя хоя Исүфь Хоросани** (Х. Афан. Никит., с. 18). Отсутствие во многих восточных языках четкой фонемной дифференциации мягких зубных и мягких небных [с’]/[ш’], [з’]/[ж’] могло способствовать закреплению в восточных заимствованиях зубных аллофонов.

Таким образом, сложность и неоднозначность фонетического освоения восточных слов связана в первую очередь с характером их проникновения в русский язык (преимущественно устный путь заимствования), а также с проблемами установления языка-источника. В результате формальной адаптации заимствований происходит варьирование материальной формы слова в языке-преемнике. Представленные вокалические и консонантные варианты заимствований имеют

свои особенности. С одной стороны, причинами возникновения фонетико-графических вариантов могут быть факторы, связанные с языками-источниками (ср. чередование в тюркских языках **т/д**, **м/н**). С другой стороны, отмечаются причины, обусловленные фонологическими особенностями заимствующего языка (аканье, еканье, оглушение конечных звонких согласных). В целом фонетико-графическое варьирование, будучи закономерным процессом, является показателем активного освоения восточных слов на русской почве в соответствии с фонетическими законами языка-преемника. На ранних этапах вхождения заимствований в русский язык варьирование фонетической оболочки слова может выступать в качестве основной причины возникновения омонимии (ср. заимствование *бег* и исконное *бег*). В результате прочного вхождения слова в систему заимствующего языка происходит утрата вариантов и стабилизация формы заимствованной лексемы.

Summary

G.Kh. Gilazetdinova. The Phonetic Adaptation of Orientalisms in the Russian Language of the 15th – 17th Centuries.

The article deals with the process of phonetic adaptation of orientalisms in the Russian language of the Muscovy period. The reasons of the loan words variability phenomenon are revealed. Vocalic and consonant variants of the borrowed oriental words caused by the peculiarities of both source and target languages are pointed out.

Key words: formal assimilation, variability, phonemic decoding, phonetic transformations, orientalisms.

Источники

- Аз. пов (сказ.) – «Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. // Воинские повести древней Руси / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 85–112.
- АМГ I – Акты Московского государства: 1571–1634 гг. / Под ред. Н.А. Попова. – Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол. – СПб: Изд-во Акад. наук, 1890. – 767 с.
- АМГ III – Акты Московского государства: 1660–1664 гг. / Под ред. Н.А. Попова. – Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. – СПб: Изд-во Акад. наук, 1901. – 674 с.
- Арс. Сух. Проскинитарий – Проскинитарий Арсения Суханова: 1649–1653 гг. // Православный палестинский сборник. – СПб., 1889. – Т. 7, Вып. 3(21). – С. 3–300.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. язык – Медиа, 2003.
- Изыск. дар – Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке). – Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1978. – 452 с.
- Кн. п. Казани – Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани: 1565–1568 гг. и 1646 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 209 с.
- Переп. Безобразова – Памятники русского народно-разговорного языка XVII века (из фонда А.И. Безобразова) / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. – М.: Наука, 1965. – 162 с.
- Переп. Хован. – Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (XVII в.) / Сообщ. Г. Лукьяновым // Старина и новизна. – М., 1905. – Кн. 10. – С. 283–462.

- Плат. Ал. Мих. – Платье и некоторые вещи царя Алексея Михайловича: 1676 г. // Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. – СПб., 1865. – С. 68–74.
- ОСТН – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. – СПб., 1893–1911.
- Сказ. Мам. поб. – Сказание о Мамаевом побоище: XV в. // Русские повести XV – XVI вв. / Сост. М.О. Скрипиль. – М.; Л.: Гослитиздат, 1958. – С. 16–38.
- Сл. Каз. кр. XVI – Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край: Словарь памятников XVI века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 286 с.
- Сл. Мангаз. пам. – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Н.А. Цомакион. – Красноярск: КГПИ, 1971. – 581 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1–27. – М.: Наука, 1975–2006.
- Сл. Сиб. – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Г.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 181 с.
- Ст. сп. Новосильцева – Статейный список И.П. Новосильцева: 1570 г. // Путешествия русских послов XVI – XVII вв. – СПб.: Наука, 2008. – С. 63–99.
- Там. кн. южн. – Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги: 1615–1652 гг. / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. – М.: Наука, 1982. – 343 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
- Х. Афан. Никит. – Хождение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд., 1958. – 284 с.
- Х. г. Вас. – Хождение гостя Василья: 1465–1466 гг. / Под ред. архим. Леонида // Православный палестинский сборник. – СПб., 1884. – Т. 2, Вып. 3. – С. 1–14.
- Х. Зос. – Хождение инока Зосимы: 1419–1422 гг., сп. XVI в. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. – СПб., 1889. – Т. 8, Вып. 3. – С. 1–27.
- Х. Котова – Хождение купца Федота Котова в Персию: 1624 г., сп. вт. пол. XVII в. / Публикация Н.А. Кузнецовой. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 111 с.
- Х. Тр. Короб. – Хождение Трифона Коробейникова: 1593–1594 гг., сп. XVII в. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. – СПб., 1889. – Т. 9, Вып. 3. – С. 1–103.
- ИЭС – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2001.

Литература

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
2. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – М.: Наука, 1970. – 204 с.
3. Дмитриев Н.К. Ударение в словах тюркского происхождения // Сб. ст. по языкознанию, посв. памяти М.В. Сергиевского. – М.: Моск. гос. ун-т, 1961. – С. 96–104.
4. Романова Г.Я. Иноязычная лексика в исторических словарях (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – С. 124–138.

5. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
6. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. – М.: Наука, 1978. – 283 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
8. Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. – М.: Наука, 1990. – 159 с.
9. Габдреева Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 338 с.
10. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процессы адаптации. – Алматы: Казак университети, 2008. – 295 с.
11. Орешкина М.В. Тюркские слова в современном русском языке (Проблемы освоения). – М.: Academia, 1994. – 160 с.
12. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 354 с.
13. Добродомов И.Г. Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках // Сов. тюркология. – 1979. – № 5. – С. 8–19.
14. Колесов В.В. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI – XVII вв. (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики) // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – Вып. 1. – С. 28–45.
15. Сафиуллина Ф.С., Фатхуллова К.С., Юсупова А.Ш., Ризванова Л.М. Татарский язык (интенсивный курс) / Науч. ред. Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Хэтер, 1998. – 272 с.
16. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. – М.: Высш. шк., 1980. – 215 с.

Поступила в редакцию
07.07.10

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ggilaz@mail.ru